

SOME OBSERVATIONS ON THE PALEOGRAPHY OF EARLY BYZANTINE INSCRIPTIONS IN THE NORTH PONTIC AREA

A. Yu. Vinogradov

On the basis of various criteria and chronological data the author describes two local schools in early Byzantine stone carving – Chersonesian and Bosporan, and traces their evolution. The main developing element of early Byzantine paleography in Chersonesus is alpha, whose crossbar is broken in the 4th and in the 6th–7th centuries and sloping in the late 4th–6th centuries. Two styles coexist on Bosphorus in the 6th century: (1) all letter forms are rectangular, alpha having a sloping crossbar; (2) the letter forms preserve curved elements, alpha having a broken crossbar. Later in the 4th century a new koine develops from a combination of those two styles: its letter forms are rectangular, but alpha has a broken crossbar. But at least from the 5th century on a cursive script and a formal script consisting of rounded letter forms only are attested as well in the area. The results of the analysis can be used for dating of new-found inscriptions. In the supplement the author gives a full list of early Byzantine inscriptions from Chersonesus and Bosphorus.

© 2012 г.

А. В. Короленков

CAEDES MARIANA И TABULAE SULLANAE: ТЕРРОР В РИМЕ в 88–81 гг. до н.э.

В статье проводится сравнительный анализ террора как политического средства во время гражданской войны и диктатуры Суллы (88–81 гг. до н.э.). Рассматриваются политические, процедурные, имущественные и иные аспекты террора.

Ключевые слова: гражданские войны в Риме, Марий, Сулла, террор, проскрипции.

Гражданские войны в Риме, как это и бывает во время смут, сопровождались массовым террором. Убийство Тиберия Гракха и многих его сторонников знаменовало собой начало не просто масштабного политического кризиса, а кровавой смуты, терзавшей Рим целое столетие. Но куда больше поразили современников и потомков расправы, совершенные во время гражданской войны 80-х годов (здесь и далее – до нашей эры). Именно они решающим образом повлияли на оценку Мария и, во многом, Суллы как в античной, так и (пусть в меньшей степени) в современной литературе. Однако сравнительного анализа между двумя этими феноменами в историографии, насколько мне известно, не проводилось. Задача настоящей статьи состоит в проведении такого анализа в отношении нескольких аспектов проблемы.

Короленков Антон Викторович – кандидат исторических наук, научный редактор редакции журнала «Новая и новейшая история».

Диодор (XXXVIII. 4. 1) пишет, что в 87 г. марианцы перед вступлением в Рим приняли решение убить всех наиболее выдающихся из числа своих врагов (τοὺς ἐπιφανεστάτους τῶν ἐχθρῶν... πάντας ἀποκτείνειν). По-видимому, речь шла о том, что у Мария, Цинны и их приверженцев были свои пожелания, и они обсуждали с товарищами, насколько допустимо их исполнение. Античные авторы не упоминают за редкими исключениями о каком-либо юридическом оформлении марианских репрессий¹. А вот в методах проведения усматриваются некоторые общие черты: «Тотчас же рассыпались во все стороны сыщики и стали искать врагов Мария и Цинны из числа сенаторов и так называемых всадников. Когда погибали всадники, дело этим и кончалось. Зато головы сенаторов, все без исключения, выставлялись перед ораторской трибуной². Во всем происходившем не видно было ни почтения к богам, ни боязни мести со стороны людей, ни страха перед мерзостью таких поступков. Мало было того, что поступки эти были дикие; с ними соединились и безнравственные картины. Сначала безжалостно людей убивали, затем перерезывали у убитых уже людей шеи и, в конце концов, выставляли жертвы напоказ <...>. Никому не разрешено было предавать погребению кого-либо из числа убитых; тела их растерзали птицы и псы. Безнаказанно убивали друг друга политические противники; другие были подвергнуты изгнанию, у третьих было конфисковано имущество, четвертые были смещены с занимаемых ими должностей»³.

Традиция сохранила несколько ярких описаний творившихся расправ. Труп Цезаря Страбона протащили по улицам Рима до могилы Квинта Вария, обвинителем которого он, видимо, выступал в свое время, и надругались там над телом убитого⁴. Бебию и Нумиторию растерзали внутренности, волокли их крюками и затем растерзали в клочья⁵. Уверяли также, будто «Анхария, сенатора и бывшего претора, повалили наземь и пронзили мечами только потому, что Марий при встрече не ответил на его приветствие. С тех пор это стало служить как бы условным знаком: всех, кому Марий не отвечал на приветствие, убивали прямо на улицах, так что даже друзья, подходившие к Марию, чтобы поздороваться с ним, были полны смя-

¹ Упоминание об избиении марианцами «многих друзей Суллы» (πολλοὺς... τῶν Σύλλα φίλων) накануне взятия Рима его армией в 88 г., которое многие историки принимают без возражений (Инар 1997, 86; Weynand 1935, 1410; Keaveney 1983, 62), можно не рассматривать, поскольку оно содержится только у Плутарха (Sulla. 9. 1; Mar. 35. 7), а какие-либо имена отсутствуют (Carney 1961b, 101).

² Голову Антония Марий, как утверждают, ставил перед собой на пирах (inter epulas – Val. Max. IX. 2. 2; Lucan. Phars. II. 121–124; Flor. III. 21. 13), что вызывает очевидные параллели с судьбой другого великого оратора – Цицерона, убитого по приказу внука этого самого Антония. Впрочем, у Валерия Максима есть также рассказ о голове сенатора Цезетия Руфа, которую принесли триумвиру (IX. 5. 4), – сходство этих рассказов наводит на мысль на том, что они являются отголоском войны памфлетов между Октавианом и Антонием (Carney 1962, 325–326, п. 82).

³ App. BC. I. 71. 330–331; 73. 338–339; пер. С.А. Жебелева.

⁴ У Валерия Максима говорится о consularis et censorius (IX. 2. 2), которым был Луций Цезарь. Однако, как показал Г. Беннет, это, вероятно, ошибка, и подобная участь постигла его младшего брата – Цезаря Страбона (Bennett 1923, 26, п. 8; Carney 1962, 325–316, п. 75; Gruen 1968, 217, 220, 226).

⁵ Lucan. Phars. II. 119–121 (только о Бебии); Aug. De civ. Dei. III. 27. Хотя и указывается, будто они умерли во время этих мучений, позволительно предположить, что сначала их все-таки убили.

тения и страха»⁶. Дион Кассий, наконец, уверял, будто Марий и его люди «ворвались в Город с остальными войсками во все ворота сразу; они заперли их, чтобы никто не мог уйти, а затем стали без разбора убивать всех, кто им ни встречался, но обращались со всеми как с врагами. Особенно старались они уничтожить тех, кто обладал каким-либо имуществом (τοὺς τι ἔχοντα... χρημάτων), ибо жаждали богатства. Они подвергали бесчестью детей и женщин, словно поработили чужеземный город. Головы выдающихся [граждан] выставляли на рострах» и т.д. «Резня (σφαγὰι) продолжалась пять дней и такое же число ночей» (fr. 102. 8–9, 11).

Таким образом, вырисовывается следующая картина: шла резня, головы сенаторов выставляли на рострах, хоронить их запрещалось, имущество их конфисковалось, жены и дети терпели насилие. Так ли это было на самом деле?

Прежде всего отметим, что в источниках указываются два случая, когда жертвы победителей все же были вызваны в суд⁷, – это Луций Корнелий Мерула, заменивший Цинну, бежавшего из Рима после поражения в схватке с людьми Гнея Октавия, а также Квинт Лутаций Катул, коллега Мария по консулату 102 г.⁸, который он получил при его явной поддержке и ответил на это столь же явной неблагодарностью⁹. Первого можно было обвинить в незаконном занятии консульской должности¹⁰, а против второго, как полагают, поводов для обвинения и суда не имелось¹¹, разве что участие в посольстве к Метеллу Пию с просьбой поспешить под стены Рима, чтобы защитить его от Цинны¹². Однако Аппиан, упоминая о выступлении Катула в поддержку декрета об изгнании Мария (BC. I. 74. 341), имел в виду не просто поведать об одном из примеров обоюдной вражды, но и назвать причину обвинения. А ведь соответствующее постановление являлось, в сущности, незаконным и повлекло за собой убийство плебейского трибуна (т.е. Публия Сульпиция), а потому имелись серьезные основания для вынесения смертного приговора¹³. По-видимому, Мерулу и Катула вызвали в суд по той простой причине, что для возбуждения против них обвинения имелись веские основания, чего нельзя как будто сказать о других жертвах террора¹⁴. Однако и этим двум рассчитывать на беспристрастный процесс явно не приходилось¹⁵.

⁶ *Plut. Mar.* 43. 5–6; пер. С.А. Ошерова. См. также *Flor.* III. 21. 16; *App.* BC. I. 73. 337. При этом Аппиан не пишет, будто после гибели Анхария стали убивать тех, на чьи приветствия Марий не отвечал, а Августин упоминает эту «технику опознания» жертв, не называя Анхария (*De civ. Dei.* III. 27).

⁷ *App.* BC. I. 74. 341; *Diod.* XXXVIII. 4. 2–3; *Schol. Bern. ad Lucan.* II. 173.

⁸ См. Broughton 1951–1952, II, 47 (Мерула); I, 567 (Катул).

⁹ См. Badian 1957, 322–324; 1964, 153; 1962, 55.

¹⁰ *App.* BC. I. 74. 341; Bennett 1923, 27; Bulst 1964, 317.

¹¹ Bennett 1923, 27; Gabba 1958, 201.

¹² *Gran. Lic.* 20 Fl.; Bulst 1964, 317.

¹³ См. Короленков 2009, 223. Подобное обвинение влекло за собой процесс *iudicium populi*, на что указывает и описание Аппиана (BC. I. 74. 341; Gabba 1958, 201; Gruen 1968, 233; Lovano 2002, 49).

¹⁴ Короленков 2009, 223. В принципе, как иногда полагают, могли быть выдвинуты обвинения и против Октавия, если бы его не убили в самом начале террора в порыве ярости (Lanzani 1915, 138–142; Badian 1962, 55). Сообщение Аппиана (BC. I. 71. 326) о гарантиях безопасности, якобы данных Октавию, по-видимому, является домыслом антимиарианской традиции (Lanzani 1907, 98; Gabba 1958, 194; Carney 1961a, 65, n. 283) или, по крайней мере, здесь имеет место неточность в выражениях (Münzer 1937, 1817).

¹⁵ *App.* I. 74. 341; Gabba 1958, 201; Gruen 1968, 233. Ф. Инар пишет о «пародии на правосудие» (Hinard 1985, 112).

Некоторая видимость законности была соблюдена и еще в одном отношении. В первый день седьмого консулата Мария состоялось несколько казней (Liv. Per. 80; Vell. Pat. II. 24. 2; Plut. Mar. 45. 3). Дело, вероятно, было не в том, что арпинат хотел столь экстравагантным способом «отпраздновать» вступление в должность, а в том, что 1 января утратили неприкосновенность магистраты минувшего года, и это облегчало с юридической точки зрения расправу над неугодными из их числа¹⁶. Правда, нет сведений о том, что предварительно был проведен суд – как и в случаях со многими другими жертвами террора (М. Антоний, Г. и Л. Цезари, отец и сын Крассы и др.).

Особого внимания заслуживает рассказ об убийстве Анхария, якобы положившем начало расправе со всеми, на чьи приветствия Марий не отвечал¹⁷. Т.Ф. Карни, изучив описание этого эпизода в источниках, пришел к таким выводам: Анхария привели на Капитолий для казни, но он, рассчитывая, что Марий во время жертвоприношения в день вступления в должность постарается избежать дурных знамений и дарует ему жизнь, обратился к нему, надеясь на пощаду. Однако Марий не ответил на приветствие Анхария, что означало для последнего смерть, которую он и встретил через несколько минут¹⁸. Убийства же тех, на чьи салютации арпинат не отвечал, – очевидный домысел.

И, наконец, вопрос о погребении жертв марианцев. В историографии, кажется, сведения о запрете на него не ставились под сомнение. Однако сложно представить, что кто-то специально следил за соблюдением этого запрета. Дело, скорее всего, в другом: тех, кого убивали на улице, подбирать до наступления ночи боялись, но даже после того как слуги уносили трупы, предать их погребению, которое соответствовало бы статусу погибших, было невозможно – опять-таки мешал страх (даже в отсутствие запретов). На то, что тела убитых все же не оставались без попечения, косвенно указывает упоминание могилы Катула (*sepulcrum Catuli* – Flor. III. 21. 26), пусть и не казненного, а покончившего с собой, но, бесспорно, одного из самых ненавистных Марию нобилей.

Последней вспышкой марианских репрессий стало убийство Сцеволы Понтифика, Домиция Агенобарба, Карбона Арвины, Публия Антистия¹⁹. Расправа была произведена, так сказать, в экстренном порядке – убийцы явились прямо в курию. Сцевола, согласно преданию, припал к священному пламени Весты и сгорел в нем²⁰. Тела убитых сбросили в Тибр²¹.

Теперь перейдем к сулланскому террору, который включал себя отнюдь не одни проскрипции. Первой репрессивной акцией будущего диктатора стало, если так можно выразиться, объявление вне закона Мария, Сульпиция и десяти их сторон-

¹⁶ Lanzani 1907, 119–120; Bennett 1923, 38; Carney 1960, 383; 1961a, 70. Так, Антистий (см. ниже), скорее всего, был претором 87 г. (Carney 1960, 383, с ошибочной ссылкой на Броутона), а Луцилий – плебейским трибуном (Broughton 1951–1952, II, 47).

¹⁷ Эту версию всерьез восприняли и некоторые историки XIX–XX вв.: Моммзен 1994, 228; Weynand 1935, 1418; Schur 1942, 140; Утченко 1969, 38.

¹⁸ Carney 1960, 383. Менее убедительна версия Г. Беннета (1923, 27), согласно которой Марий приносил жертвы в честь своего возвращения.

¹⁹ Из них трое – Сцевола, Карбон и Домиций – были родственниками видных деятелей режима (Hinard 2006, 254)!

²⁰ Лукан переносит убийство Сцеволы в 86 г. (II. 126–130; Rawson 1987, 170), очевидно, желая свести жертв марианского террора воедино.

²¹ App. I. 88. 403–404; Vell. Pat. II. 26. 2–3; Lucan. Phars. II. 126–128; Plut. Pomp. 9. 4; Flor. III. 21. 21; Oros. V. 20. 4.

ников после взятия Рима в 88 г. Всякий мог убить их, а имущество их подлежало конфискации (App. BC. I. 60. 271; Diod. XXXVII. 29. 3). Уже Веллей Патеркул назвал это предвестием проскрипций (*omen imminantis proscriptionis* – II. 19. 1). И хотя тождества между ними и этим постановлением нет, значительное сходство налицо²². Но было два существенных различия: в масштабах (всего 12 человек)²³ и в исполнении – если в 82–81 годах репрессии коснулись не только тех, кто попал в проскрипции (см. ниже), то в 88 г. дело ограничилось убийством Сульпиция, остальным его товарищам, даже Марию, которого преследовали очень активно, удалось скрыться²⁴. Однако это не отменяло незаконности решения сената, принятого под нажимом Суллы, – опальные лишались возможности защититься перед судом²⁵. Важно также вслед за Веллеем Патеркулом (II. 19. 1) отметить, что именно с этого времени пошел обычай выставлять головы казненных врагов на рострах²⁶.

Иначе сложилась ситуация в 83–82 гг. Если в начале нового тура гражданской войны Сулла и его воины вели себя подчеркнуто миролюбиво, воздерживались от грабежей и убийств (Vell. Pat. II. 25. 1; Plut. Sulla. 27. 5), то после срыва переговоров со Сципионом под Теаном сулланская армия стала действовать беспощадно (App. BC. I. 86. 389). После битвы при Сакрипорте будущий диктатор приказал перебить пленных самнитов, хотя всего год назад они без боя пропустили его через свои земли²⁷. Еще более кровавая бойня была учинена им после битвы при Коллинских воротах на *Villa publica*, где подверглись истреблению несколько тысяч сложивших оружие самнитов²⁸. Та же участь постигла римских командиров в сенаторском ранге, самнитов и жителей Пренесты, оборонявших последнюю и также сдавшихся Сулле²⁹.

Расправа с самнитами выводит нас на начало проскрипций, поскольку знаменитая резня на *Villa publica* происходила, как показал Ф. Инар, во время того самого заседания сената в храме Беллоны, на котором было отвергнуто предложение Сул-

²² Еремин 2004, 72–73. Автор указывает, что если в 88 г. решение было принято от имени сената (так в большинстве источников, см. Cagniard 1986, 323–324; Letzner 2000, 142, Anm. 153), то закон о проскрипциях в 82 г. утвердили комиции. Однако не исключено, что сначала решение могло быть принято сенатом, а затем голосование комиций придало ему силу закона, в источниках же сообщается либо о первом, либо о втором (Cagniard 1986, 324). Что же касается проскрипций, то здесь определенно имело место только голосование комиций (см. ниже).

²³ Keaveney 1983, 70; Letzner 2000, 142; Christ 2002, 81.

²⁴ А.В. Еремин (2004, 73) делает на этом основании сомнительный вывод, будто прав Веллей Патеркул (II. 19. 1), когда пишет, что речь шла только об изгнании, а не казни опальных. Однако такому заключению противоречат данные всех остальных авторов, пишущих об этом сюжете, а также судьба Сульпиция и Мария – последний спасся лишь чудом. В лучшем случае можно предполагать, что было принято негласное решение дать возможность их товарищам уйти в изгнание.

²⁵ См., например: Seager 1994, 171. К тому же Сулла объявил *hostes publici* своих личных врагов (Gaughan 2010, 128).

²⁶ Аппиан, следуя иной традиции, ошибочно утверждает, будто головы на рострах стали выставлять после убийства Октавия (BC. I. 71. 329; Bennett 1923, 27, n. 13).

²⁷ Plut. Sulla. 30. 2–4; App. BC. I. 87. 400; Salmon 1964, 73, 78: «Возможно, это было местом за аналогичные варварские акции, совершенные самнитами во время Союзнической войны в Венафре и Ноле и, несомненно, способствовало тому, чтобы подчеркнуть националистический аспект войны, который Сулла так стремился разрекламировать».

²⁸ Plut. Sulla. 30. 4; App. BC. I. 93. 432; Vell. Pat. II. 27. 4; Liv. Per. 88; Flor. III. 21. 23; Dio Cass. Fr. 109. 6–7; Sen. De clem. I. 12. 2; De vir. ill. 75. 9.

²⁹ Plut. Sulla. 32. 1; App. BC. I. 94. 436–438; Val. Max. IX. 2. 1.

лы по поводу списков опальных (Cic. Rosc. Am. 153)³⁰. Тогда последний обратился к комициям, которые и утвердили его законопроект (App. BC. I. 95. 441–442).

«Не посоветовавшись ни с кем из должностных лиц³¹, Сулла тотчас составил список из восьмидесяти имен. Несмотря на всеобщее недовольство, спустя день он включил в список еще двести двадцать человек, а на третий – опять по меньшей мере столько же. Выступив по этому поводу с речью перед народом, Сулла сказал, что он переписал тех, кого ему удалось вспомнить, а те, кого он сейчас запамätовал, будут внесены в список в следующий раз. Тех, кто принял у себя или спас осужденного, Сулла тоже осудил, карой за человеколюбие назначив смерть и не делая исключения ни для брата, ни для сына, ни для отца. Зато тому, кто умертвит осужденного, он назначил награду за убийство – два таланта, даже если раб убьет господина, даже если сын – отца. Но самым несправедливым было постановление о том, что гражданской чести лишаются и сыновья и внуки осужденных, а их имущество подлежит конфискации. Списки составлялись не в одном Риме, но в каждом городе Италии» (Plut. Sulla. 31. 5–9; пер. В.М. Смиринa).

«Сулла, кажется, первый составил списки приговоренных к смерти и назначил при этом подарки тем, кто их убьет, деньги – кто донесет, наказания – кто приговоренных укроет. Немного спустя он к проскрибированным сенаторам прибавил еще других. Все они, будучи захвачены, неожиданно погибали там, где их настигли, – в домах, в закоулках, в храмах; некоторые в страхе бросались к Сулле и их избивали до смерти у ног его, других оттаскивали от него и топтали <...>. Были убиты, подверглись изгнанию, конфискации имущества, многие из числа тех италийцев, которые повиновались Карбону, Норбану, Марию или их подначальным командирам. По всей Италии учреждены были над этими лицами жестокие суды, причем выдвигались против них разнообразные обвинения. Их обвиняли или в том, что они были командирами, или в том, что служили в войске, или в том, что вносили деньги или оказывали другие услуги, или вообще в том, что они подавали советы, направленные против Суллы. Поводами к обвинению служили гостеприимство, дружба, дача или получение денег в ссуду. К суду привлекали даже за простую оказанную услугу или за компанию во время путешествия. И всего более свирепствовали против людей богатых» (App. BC. I. 95. 442–443; 96. 445–447). Завершиться проскрипции должны были 1 июня 81 г. (Cic. Rosc. Am. 128).

Процедура была различной: одних убивали на месте, других подвергали изощренным пыткам³², наиболее известный случай – садистская расправа с Марием Гратидианом, которого провели по Городу, избивая розгами, а затем на могиле Катутла-старшего ему выкололи глаза, отрезали уши, вырвали язык, перебили голени и лишь потом разрубили на куски, после чего Катилина принес его голову Сулле³³.

³⁰ Hinard 1985, 108–109, 115–116. А.В. Еремин (2004, 71) высказал то же мнение независимо от Ф. Инара.

³¹ Это вполне естественно – ведь они были избраны при марианцах.

³² Plut. Sulla. 31. 11–12 (Квинт Аврелий); Oros. V. 21. 4 (Лоллий; возможно, о нем же идет речь у Диодора: XXXVIII. 19; Hinard 1985, 367).

³³ Подборку источников см. Münzer 1930, 1827. А. Тейн видит в этой расправе антитезу почетной смерти (Thein 2002, 126–127). Гратидиан стал жертвой мести со стороны Катутла-младшего, поскольку в свое время выдвинул обвинение против его отца, после чего тот покончил с собой (Carney 1962, 328; Hinard 1985, 112; Thein 2002, 126; Christ 2002, 113). Казнь на могиле Катутла живо напоминает упоминавшуюся историю с Цезарем Страбоном (Carney 1962, 328), с той, однако, существенной разницей, что надругательствам подверглось лишь мертвое тело последнего, чего нельзя сказать о Гратидиане.

По-видимому, столь же жестокой казни подвергся вместе с ним и М. Плеторий (Val. Max. IX. 2. 1). Головы более знатных людей выставляли на форуме и/или у Сервилиева озера, прочих бросали в Тибр (Cic. Rosc. Am. 89; Lucan. Phars. II. 160–161, 210–220). Были казнены захваченные в плен вожди марианцев – Гай Каррина, Брут Дамасипп, Марций Цензорин, причем многие погибли уже за пределами Италии – так, Помпей, явно выполняя инструкции Суллы, приказал обезглавить Папирия Карбона, Валерия Сорана, возможно, Домиция Агенобарба³⁴. Консуляр Гай Норбан бежал на Родос, но от местных властей потребовали его выдачи, и он покончил с собой на городской площади (App. BC. I. 91. 422; Liv. Per. 89) – пример, приводимый в подтверждение слов Саллюстия (Hist. II. 14), которые обычно относят к проскриптам: «стерты с лица земли» (*orbe terrarum extorres*). Сулла давал тем самым понять, что спасения от его мести нет нигде³⁵.

Впрочем, многим удалось выжить: как известно, не тронули консула 83 г. Луция Корнелия Сципиона Азиатского³⁶, доживавшего остаток своих дней в Массалии³⁷. Многие, как Квинт Серторий, Марк Перперна, Марк Марий и другие, бежали. В живых остались Гней Децидий, Авл Требоний, Луций Цинна, Луций Фидустий – двое последних даже попали во вторые проскрипции, Фидустий погиб, судьба Цинны неясна³⁸.

Репрессии проводились, как показывает приведенный выше текст Аппиана, не только в отношении деятелей циннанской группировки, но и их сторонников в Италии или тех, кто таковыми объявлялся. Цицерон описывает одну такую расправу, совершенную в Ларине Альбием Оппиаником над его личными врагами – кваттуорвирами города (Cic. Cluent. 25). Ф. Инар указывает, что тот действовал не по собственному произволу, как это стремится изобразить Цицерон, а по приказу Суллы, а Аврии, входившие в число кваттуорвиров, были, видимо, представителями *une famille marianiste*³⁹. Однако очень вероятно, что уговорил диктатора казнить этих людей сам Оппианик, тем более что речь шла о его врагах, и одним из новых кваттуорвиров стал он сам, а их приверженность делу марианцев – не более чем гипотеза, хотя и вероятная. Впрочем, как показывает пример убийства другого муниципала, Секста Росция Америкского⁴⁰, от расправы не были застрахованы даже

³⁴ См. Hinard 1985, 340–341, 363–364, 374, 387–390, 404–404 (с указанием источников). Ф. Мюнцер показал, что есть серьезные основания отдать предпочтение рассказу Валерия Максима (VI. 2. 8), а не Плутарха (Rom. 12. 3) и Орозия (V. 21. 13), из которого следует, что Домиций не погиб в бою, а попал в плен и был казнен (Münzer 1905, 1327–1328).

³⁵ Hinard 1985, 79; Инар 1997, 286–287.

³⁶ Cic. Pro Sest. 7. Попытку доказать, что Сципион все же погиб (Mackay 2000, 201–202) подверг убедительной критике А. Кивни (2006, 112–114).

³⁷ Был внесен в первые же проскрипции (Oros. V. 21. 3).

³⁸ Hinard 1985, 129, 133, 343–344, 348–349, 353, 403, 457–458, 468–469. Это тот самый Цинна, вместо которого толпа по ошибке растерзала его «однофамильца». Плутарх (очень возможно, что вполне правильно) отождествляет последнего с поэтом-неотериком (см. *Plut. Brut.* 20.8–11; Mühlh 1912, 225–226).

³⁹ Hinard 1985, 56, 335–336. К. Ланцани, признавая наличие личных мотивов у Оппианика, считает того главой просулланской группировки в Ларине (цит. по: Keaveney 2005, 210, п. 6; Кивни разделяет эту точку зрения). Это вполне возможно, однако не вполне ясно, стал он им до своего бегства в лагерь Метелла Пия или только по возвращении в Ларин.

⁴⁰ Правда, Цицерон (Rosc. Am. 15–16, 21) не говорит об этом прямо, а лишь стремится создать такое впечатление, указывая, что поведение Росция демонстрировало удовлетворение победой знати (*magis ut exsultare victoria nobilitatis videretur quam timere ne quid ex ea calamitatis sibi accideret*), и называя ревностным ее сторонником (*homo stidiosissimus*

вполне лояльные режиму люди. Правда, Росций не относился к числу проскриптов, но то, что убийцы рассчитывали (и не без основания) на безнаказанность, говорит о многом⁴¹.

Если в рассказах о вторых проскрипциях достаточно много сюжетов о предательстве близких родственников, то в нашем случае их почти нет – разве что описание самого общего характера у Лукана убийств родителей детьми, братьев братьями, господ рабами (Phars. II. 148–151), которое носит явно риторический характер. Исключение составляет Катилина, которого обвиняли в убийстве мужа его сестры, всадника Кв. Цецилия (Q. Cic. Comm. pet. 9) и упомянутого выше Гратидиана, женатого на его сестре (Schol. Bern ad Lucan. Loc. cit.). Плутарх приписывает ему также убийство собственного брата (Sulla. 32. 3; Cic. 10. 3). Однако, учитывая молчание всех остальных источников на сей счет (особенно Цицерона и Саллюстия), исследователи предполагают, что под ἀδελφός Катилины подразумевается Цецилий⁴². Ливий (Per. 89) и Граний Лициниан (32Fl) также рассказывают о том, как жена не пустила в дом Папия Мутила (одного из вождей италийцев еще в Союзнической войне), сообщив мужу о том, что его включили в число проскриптов, после чего он покончил с собой, забрызгав кровью ее порог⁴³. Однако это не убийство и не донос, а потому подтверждением слов Лукана названный эпизод не является.

Нельзя также не отметить, что нет никаких сведений об убийстве за укрывательство проскриптов, хотя за это, как уже упоминалось, и грозила смерть⁴⁴. Правда, нет данных и о самом укрывательстве, но трудно представить, что ничего подобного не было (вспомним историю с Антонием, прятавшимся у своего клиента от марианцев⁴⁵, – о казни клиента, кстати, также умалчивается). Любопытной параллелью может служить история из времен вторых проскрипций, рассказанная Аппианом о жене Лигария, которая предлагала казнить ее за укрывательство мужа-проскрипта (тем не менее его нашли и убили) и уморила себя голодом, когда ей сохранили жизнь (BC. IV. 23).

nobilitatis). Это не удостоверяет приверженности последнего делу Суллы, однако его сторонником он и не назван (возможно, не без умысла), а потому А. Тейн (2002, 259) не совсем прав, утверждая, что оратор пытался его таковым лишь изобразить. Но, по крайней мере, в нейтральной позиции Росция по отношению к диктатору можно не сомневаться.

⁴¹ А. Тейн (2002, 258) указывает на следующее противоречие: если Росций-старший попал в проскрипции хотя бы и задним числом, за что судить его сына? А если нет, почему последнего изгнали из имения, сами имения распродав? Возможно, убийцы надеялись внести Росция-отца в *tabulae* и узаконить распродажу задним числом, а когда это не удалось, в преступлении обвинили сына, чтобы избежать претензий на наследство с его стороны в дальнейшем.

⁴² Marshall 1985, 128; Hinard 1985, 397; Keaveney 2005, 129. Правда, даже в новейшей литературе продолжает тиражироваться безо всяких оговорок версия об убийстве Катилиной брата: Циркин 2006, 219; Christ 2002, 117. Высказывались серьезные сомнения в причастности Катилины и к убийству Гратидиана (Marshall 1985, 128–133), которое на самом деле совершил Катул (Schol. Bern ad Lucan. II. 173). Весьма вероятно, что он, как это и сказано у Плутарха, отнес голову замученного Сулле, но не участвовал в самих пытках.

⁴³ Liv. Per. 89: itaque ipse se transfodit et sanguine suo fores uxoris respersit.

⁴⁴ П.Ф. Каньяр пишет, что жизнью и имуществом рисковали и те, кто укрывал опальных в 88 г. (Cagniard 1986, 334). Но это лишь предположение, прямых данных такого рода в источниках нет.

⁴⁵ См. Plut. Mar. 44. 1–2; App. BC. I. 72. 333.

Здесь мы переходим к вопросу о судьбе представительниц прекрасного пола во время террора. Только у Валерия Максима в самой общей форме говорится о том, что Сулла «обнажил меч также и против женщин»⁴⁶, однако опять-таки нет каких-либо конкретных примеров – как, кстати, и применительно к марианскому террору⁴⁷. Судьба супруги Лигария показывает, что и во времена более жестоких расправ к женщинам во время гражданских войн проявляли снисхождение – в отличие от греков, у которых во время смут их не щадили, да и римлян времен Империи.

МАТЕРИАЛЬНАЯ СТОРОНА РЕПРЕССИЙ

В источниках нет сведений о наградах за убийства во время марианских расправ. Даже в рассказе о виноторговце, который, узнав об убежище Антония, поспешил к Марию, чтобы рассказать ему об этом, не упоминается ни о его расчетах на *praedium*, ни о ее вручении⁴⁸. Конечно, награды могли быть, но это лишь предположение.

Сведения источников о конфискациях во время марианских расправ весьма туманны. Грабежи начались еще при вступлении отрядов Мария и Цинны в Рим⁴⁹, и здесь оснований сомневаться в данных источников нет⁵⁰. Однако имели ли место юридически оформленные конфискации, вопрос спорный. Не приходится сомневаться, что такая мера была проведена в отношении Суллы (*Plut. Sulla. 22. 2; App. BC. I. 73. 340; 77. 351; Mithr. 51. 204; Eutr. V. 7. 3*). Однако когда Аппиан (*BC. I. 73. 340*) то же самое пишет о его друзьях, это вызывает серьезные сомнения. Прежде всего нужно отметить, что репрессии обрушились на врагов Цинны и Мария, а не друзей Суллы, которых в Риме, по сути, тогда не было⁵¹. Впрочем, это не мешает считать, что конфискации подвергалось имущество всех убитых и ушедших в изгнание независимо от их отношения к будущему диктатору⁵². Однако настораживает отсутствие каких-либо конкретных примеров, кроме Суллы, представляющего особый случай. Примечательно также, что Мария и Цинну обвиняли лишь в убийствах, а не в посягательстве на чужую собственность⁵³. Грабежи, оче-

⁴⁶ *Val. Max. IX. 2. 1: adversus mulieres quoque gladios destrinxit.*

⁴⁷ Веллей Патеркул (*II. 26. 3*) сообщает о лишь самоубийстве Кальпурнии, жены Антистия, после умерщвления последнего марианцами. Впрочем, Плутарх относит ее гибель ко времени диктатуры Суллы, который заставил Помпея развестись с дочерью Антистия и Кальпурнии (*Pompr. 9. 4*).

⁴⁸ Плутарх называет виноторговца «нечестивым (*ἀσεβής*) и мерзким (*μαρὸς*)» (*Mar. 44. 3*), но не алчным.

⁴⁹ По мнению М. Ловано, Аппиан пишет о конфискации имущества (*Lovano 2002, 47*), однако глагол *διηρπάξ* это означает разграбление, а не конфискацию.

⁵⁰ *Lanzani 1915, 134; Carney 1961a, 66, n. 284.* Однако когда В. Ине пишет еще и о разрушениях, это уже явно выходит за рамки источников (*Inne 1879, 358*). То же самое касается и утверждения, будто Цинна и Марий поощряли грабежи (*Циркин 2006, 54*).

⁵¹ Судя по всему, *sullani* на тот момент назывались те, кто находился непосредственно при Сулле (*Badian 1962, 54–55; Seager 1994, 180*). В историографии нередко говорится о репрессиях против друзей Суллы: *Gabba 1958, 201; Van Ooteghem 1964, 316; Gaughan 2010, 131; Утченко 1969, 38; Циркин 2006, 54*, хотя свидетельств, позволяющих считать их сторонниками будущего диктатора, очень мало (см. *Keaveney 1984, 115–117*).

⁵² См. *Bennett 1923, 29.* Моммзен (1994, 228) пишет о крупномасштабных конфискациях и распродажах.

⁵³ В отношении Цинны на это указывает К.М. Балст (1964, 314).

видно, обогатили лишь тех, кто их непосредственно проводил, и, по словам Веллея Патеркула, в то время «...еще не нашлось такого, кто осмелился бы дарить имущество римского гражданина или имел бы смелость о том объявить»⁵⁴. Валерий Максим указывает на «удивительное бескорыстие римского народа» (*abstinentia populi Romani mirifica*), который не стал грабить домов убитых марианцами, что, кстати, противопоставляется жестокости, но не алчности победителей (IV. 3. 14). Правда, Орозий называет консулов (очевидно, Цинну и Мария) *auctores praedae* (V. 19. 24)⁵⁵, то же сообщает о Марии Дион Кассий (см. выше), однако это авторы поздние, к тому же на их рассказах лежит печать риторики, что не позволяет принимать их полностью. Если же говорить о конфискации, то ей могло подвергнуться имущество изгнанников – таких, как Цецилий Корнут или Аппий Клавдий, лишенный циннанцами империя⁵⁶. Хотя и это только догадка, она представляется более убедительной. Число таких лиц вряд ли было велико, среди них не было консуляров, к тому же, в отличие от бессудных расправ, *publicatio bonorum* в данном случае имела бы юридическое оформление. Так или иначе, представляется, что материальные стимулы если и играли какую-то роль во время марианских репрессий, то лишь самую незначительную.

Иначе обстояло дело в случае с Суллой⁵⁷. Расправляясь со своими врагами, последний с самого начала решил воспользоваться этими стимулами, назначив награду за голову Мария и его товарищей⁵⁸. Вернувшись в Рим весной 82 г., он распродав имущество своих врагов, объявленных *hostes publici* (App. BC. I. 89. 407). Но особенно важную роль материальный фактор сыграл во время проскрипций⁵⁹. Как уже упоминалось, за голову проскрипта назначалась награда в два таланта, т.е. 12 000 денариев⁶⁰, или 48 000 сестерциев (Plut. Sulla. 31. 7)⁶¹. Что же касается распродажи имущества, на которой себе делали состояния как нобили вроде Марка Красса и Луция Агенобарба⁶², так и люди более низкого звания (Беллиен, Лусций),

⁵⁴ *Vell. Pat.* II. 22. 5; пер. А.И. Немировского.

⁵⁵ В.М. Тюленев неправильно переводит это как «допустившие грабеж» (Павел Орозий 2002, 178).

⁵⁶ *Cic. Dom.* 83; Инар 1997, 202.

⁵⁷ На это различие уже указывалось в историографии: Thein 2002, 70, 102, n. 52.

⁵⁸ У Плутарха говорится о награде только за голову Мария (Sulla. 10. 2: *Μαρίῳ δ' ἐπεκέρυξεν ἀργύριον*). Весьма вероятно, однако, что ее назначили и за остальных. Помимо соображений здравого смысла за это говорят слова Валерия Максима (VI. 5. 7) о том, что Сулла отпустил на волю раба, выдавшего П. Сульпиция, дабы не нарушить собственный эдикт (*ut fides edicti sui constaret*) – т.е. обычного в таких случаях обещания свободы рабу и денежной награды свободному.

⁵⁹ Ф. Инар считает, что главным побуждением Суллы при введении проскрипций являлась месть, а не соображения материального характера, коль скоро имущество его врагов было уже распродано (Hinard 1985, 51). Сам тезис в целом возражений не вызывает, однако обоснование его весьма спорно: ведь из земельных владений его недругов можно было продать только те, которые находились под контролем сулланской армии, да и число проскриптов было наверняка во много раз больше, чем тех, чье имущество пустили с торгов весной 82 г.

⁶⁰ *μυρίας διαχίλιας δραχμίας* (Plut. Cato Min. 17. 5). В переводе С.П. Маркиша ошибочно говорится о 1200 драмах (Плутарх 1994, II, 232).

⁶¹ В зависимости от того, как оценивать число проскриптов, на *praedium* убийцам должно было уйти от 25 до 72 млн. сестерциев из общей суммы в 350 млн. от продажи имущества жертв (Thein 2002, 102, n. 53).

⁶² Об Агенобарбе сообщается, что он захватил земли убитого брата (Schol. Bern. ad Lucan. II. 151) – очевидно, Гнея (Rawson 1987, 174, где ошибочно указывается Сицилия

то этот вопрос исследован в историографии достаточно подробно, чтобы на нем останавливаться специально⁶³. Таким образом, Сулла, думая о мести врагам, не забывал и о наградах друзьям, что и отразилось в его знаменитой эпитафии (Plut. Sulla. 38. 6). Проскрипции привели к заметным социальным сдвигам, чего никак нельзя сказать о репрессиях Мария, Цинны и их преемников.

СОСТАВ УЧАСТНИКОВ

В обоих случаях Аппиан говорит о сыщиках (ζητηταί), которые пускались по следу обреченных на расправу (BC. I. 71. 330; 95. 444), однако кем они были, гражданскими или военными, не уточняется. Когда речь заходит о конкретных случаях, картина следующая. Во время марианского террора исполнителями оказываются воины или их начальники, при этом сами они никакой инициативы, судя по источникам, не проявляли. Цензорин, если верить Аппиану (BC. I. 71. 327), лично отрубил голову Октавию (явно не без помощи сопровождавших его всадников). Антония убил военный трибун Анний, чьи воины, как известно, колебались (Plut. Mar. 44. 6–8; App. BC. I. 72. 334–335). Что же касается участия в убийствах бардиеев⁶⁴, «гвардии» Мария из числа примкнувших к нему рабов, то здесь имеется лишь рассказ об их расправе с Анхарием по знаку Мария и убийстве безымянных «многих» (πολλοὺς – Plut. Mar. 43. 4–5). Однако, как показано выше, Плутарх дал, по-видимому, сильно искаженное описание эпизода с Анхарием, а упоминание о «многих»⁶⁵ выглядит на этом фоне обычной риторической фигурой⁶⁶. Вполне возможно, что сообщения о грабежах и насилиях, чинившихся бардиеями⁶⁷, соответствуют истине, но римлян, видимо, возмущали не столько их масштабы (здесь опять-таки можно подозревать преувеличение, тем более что соответствующие описания мы встречаем лишь у поздних авторов)⁶⁸, сколько само то, что бывшие рабы позволяют себе поднимать руку на римских граждан. Неудивительно, что именно они стали козлами отпущения, когда Цинна решил дать понять, что с террором покончено, и приказал Серторию перебить их⁶⁹.

как место гибели Гнея). Не остались в стороне и родственники Суллы. Его жену Метеллу Плиний Старший называет скупщицей имущества проскриптов (proscriptionum sectrix – NH. 36. 116).

⁶³ См. Hinard 1985, 195–204 со ссылками на источники и литературу.

⁶⁴ По одной версии, названы так по имени иллирийского племени бардиеев, из которого могли происходить многие из них (Schur 1942, 137, Anm. 2), по другой, это слово было взято так по аналогии с наименованием воинской обуви (Bennett 1923, 23, n. 112) – мрачный юмор полководца.

⁶⁵ Столь же туманные указания на это см. у Орозия (V. 19. 19), где идет речь ни много ни мало о plurimi consulares (!), и Эксуперанция (4. 28Z).

⁶⁶ Ф. Инар предполагает причастность бывших рабов (fugitivi) к убийству Бебия (Hinard, 1985, 337), однако это не более чем гипотеза.

⁶⁷ Plut. Mar. 44. 9–10; Sert. 5.7; App. BC. I. 74. 343; Oros. V. 19. 24.

⁶⁸ Между тем в историографии нередко без оговорок принимаются описания зверств бардиеев: Моммзен 1994, 228; Инар 1997, 198; Weynand 1935, 1418; Van Ooteghem 1964, 316. Э. Бэдиан приписывает им убийство Катула (на деле покончившего с собой!), Антония и двух Цезарей (Badian 1964, 153).

⁶⁹ Plut. Mar. 44. 10; Sert. 5. 7; App. BC. I. 74. 344; Oros. V. 19. 24; Exup. 4. 28Z. Орозий связывает избиение бардиеев (которые у него, правда, названы просто fugitivi) не с чинившимися ими насилиями, а с тем, что они не отдали консулам добычу (!). Ни он, ни

Что же касается проскрипций, то здесь круг исполнителей, а порой и инициаторов был шире, учитывая большую масштабность сулланских репрессий. Конечно, именно присутствие армии, пусть и за пределами померия, делало возможным их осуществление⁷⁰. По Орозию, инициатором введения проскрипций стал центурион-примипил Фуфидий – правда, речь шла об ограничении террора⁷¹. Несомненно, именно воины убивали пленных самнитов и жителей Пренесты, а также многих проскриптов (Дамасиппа, Цензорина, Карбона и др.). Однако контекст, в котором описывается гибель людей, подобных Аврелию и Лоллию, убитых едва ли не на форуме, подразумевает, что это вполне могли сделать и штатские. То же можно сказать и о сыщиках. Наконец, толпа зевак, которые необходимы для любого спектакля, коим проскрипции, несомненно, являлись⁷², выступала в качестве зрителей. Хотя Плутарх (*Sulla*. 31. 5) и сообщает о всеобщем возмущении (*ἀγανακτοῦντων δὲ πάντων*) после публикации первого списка опальных, о каких-либо проявлениях его ничего не известно.

МАСШТАБЫ РЕПРЕССИЙ

Нам известны имена максимум 16 человек, погибших в 87–86 гг. от рук марианцев⁷³, а в 82 г. ими было убито всего четыре человека (см. выше). Конечно, кто-то наверняка пострадал во время грабежей, однако здесь трудно говорить сколь-либо конкретно, поскольку источники хранят на сей счет полное молчание⁷⁴. В целом их данные, как отмечает Т.Ф. Карни, не дают оснований называть марианские репрессии 87–86 гг. резней (*massacre*)⁷⁵. Еще менее это можно сказать об убийстве Сцево-лы, Карбона, Агенобарба и Антистия в 82 г. Куда более кровавой была расправа с несколькими тысячами бардиеев⁷⁶, однако ее трудно считать актом политического террора.

В отношении сулланского террора следует заметить, что здесь необходимо учитывать не только проскриптов, но и жертв «неформальных» расправ. Это несколь-

Эксупераций при этом имени Сертория не упоминают.

⁷⁰ Как и репрессий против Мария, Сульпиция и их товарищей в 88 г. (Gabba 1972, 795; Cagniat 1986, 333–335).

⁷¹ *Plut.* *Sulla*. 31. 2–5; *Oros.* V. 21. 3 (дана неправильная форма имени – Фурсидий). В других случаях предложение ввести репрессии в какие-то рамки приписывается Гаю Метеллу (*Plut.* *Sulla*. 31. 2) или Катулу-младшему (V. 21. 2), в свое время, возможно, бывшему одним из тех, кто помог Афинам после их взятия Суллой избежать полного уничтожения (Keaveney 1984, 127–128; 2005, 126).

⁷² «Это было ритуальное празднество с суровым смыслом драмы и трагедии» (Thein 2002, 126). См. также Hinard 1985, 122–124.

⁷³ См. Keaveney 1984, 115–117. Э. Бэдиан не включает в свой список Октавия, Мерулу и Фимбрию, в отношении которого, впрочем, возможна ошибка (Keaveney 1984, 116), а Лициния и Луцилия считает одним лицом (Badian 1957, 339–340, п. 177). Если вычесть двух последних, получаем 14 человек, о которых и пишут другие авторы (Carney 1961a, 67; Bulst 1964, 314).

⁷⁴ По мнению К.М. Балста (пожалуй, слишком уж оптимистичному), число жертв не могло намного превышать упомянутую цифру в 14 человек (Bulst 1964, 314).

⁷⁵ Carney 1961a, 66, п. 286. «Дух и методы сулланских проскрипций полностью отсутствовали» (Bennett 1923, 34).

⁷⁶ Э. Бэдиан пишет, что после этого Цинна, будто бы не склонный к убийствам, смог действовать законными методами (Badian 1964, 153). Не вполне понятно, однако, что исследователь имеет в виду.

ко тысяч самнитов⁷⁷, убитых после битв при Сакрипорте и у Коллинских ворот⁷⁸, а также взятия Пренесты, не считая самих пренестинцев – 5000, если верить Валерию Максиму (IX. 2. 1)⁷⁹. Вполне вероятно, что какое-то число людей низкого звания было убито воинами по личным мотивам и не попало ни в какие списки. Конечно, Августин несколько преувеличивал, когда писал, что «в Риме всякий сторонник Суллы убивал кого хотел» (*De civ. Dei*. III. 28), ибо, конечно, простой воин или центурион вряд ли могли по собственному произволу убить сенатора. Но то, что обстановка массового террора порождала у победителей ощущение безнаказанности, сомнений не вызывает.

Что же касается проскриптов, то их общее число сообщает Валерий Максим – 4700 (IX. 2. 1)⁸⁰, среди них 40 сенаторов и 1600 всадников (*App. BC*. I. 95. 442)⁸¹. В первой проскрипции, согласно Плутарху (*Sulla*. 31. 5) и Орозию (V. 21. 3), было 80 имен⁸². Плутарх (*loc. cit.*) сообщает, что потом появилось еще два списка, в одном из которых насчитывалось 220 имен, в другом – не меньше (*ὅκ ἐλάττως*), т.е., надо полагать, больше. Этим, вероятно, и объясняется цифра в 500 имен, указанных, по Орозию, во второй проскрипции (V. 21. 4), т.е. в третьем списке оказалось не 220, а 260 имен. Однако оба автора пишут, что списки остались не закрытыми. В том, что они пополнялись, нет никаких сомнений (иначе на что рассчитывали бы убийцы Росция?), и это делает вполне возможной цифру в 4700 человек, приведенную Валерием Максимом.

Общее число жертв Суллы без учета погибших в боях Дионисий Галикарнаский определяет в 40 000 человек (V. 77. 5). Поскольку не внесенных в проскрипции никто не считал, то цифра эта является округленной и наверняка завышенной. Тем не менее, с учетом убитых пленных число жертв сулланского террора переваливает далеко за 10 000. Несопоставимость с репрессиями марианского режима очевидна.

⁷⁷ Еще зимой 83/82 гг. Сулла вполне сознательно исключил самнитов из договора с италийскими народами, по которому признавал за последними права римского гражданства, дарованного им марианцами (*Liv. Per.* 89; Salmon 1964, 74–77).

⁷⁸ Число убитых после сражения при Сакрипорте неизвестно. Число жертв экзекуции после битвы при Коллинских воротах указывается по-разному: 3000 (*Oros.* V. 21. 1), 4000 (*Flor.* III. 21. 24), 6000 (*Plut. Sulla*. 30.2), 8000 (*Liv. Per.* 88). Очевидно, именно пленных самнитов имел в виду Августин, когда писал об истреблении по приказу Суллы 7000 человек на Марсовом поле (*De civ. Dei*. III. 28).

⁷⁹ Плутарх пишет о 12 000 (*Sulla*. 33. 1), однако речь идет явно о всех защитниках Пренесты, в том числе и римлян, которых Сулла, за исключением предводителей, пощадил (*App. BC*. I. 94. 438). По Диодору, с Марием в Пренесте находилось 15 000 человек (*XXXVIII*. 15).

⁸⁰ Ф. Инар выявил имена 75 проскриптов (Hinard 1985, 329–411).

⁸¹ У Аппиана сообщается, что Сулла во время смуты убил (*ἀνελόντα*) и изгнал (*σὺν τοῖς ἐξέληταιμένοις*) 90 сенаторов и 2600 всадников (*BC*. I. 103. 482). С.Л. Утченко понимает эти слова так, что все названные лица погибли, причем во время проскрипций (1969, 43), хотя контекст пассажа подразумевает явно более широкие рамки (*ἐν τῷδε τῷ πολέμῳ*). А.В. Еремин (2004, 75) приводит также цифру в 3500 проскриптов у Ливия (*Per.* 89). Однако это результат использования неверного перевода (Ливий 1993, 581), тогда как в оригинале речь идет о 350 млн. сестерциев, вырученных с продажи имущества проскриптов (*redactum est sestertium ter milies quingenties*).

⁸² *Octoginta* у Орозия (V. 21. 3) В.М. Тюленев переводит как «восемнадцать» (Павел Орозий 2002, 183).

Многие позднейшие авторы стремились изобразить обстановку тотального террора во время вступления армии Цинны и Мария в Рим, отчасти, под влиянием антимарианской традиции (в особенности записок Суллы), – из желания оправдать последующие проскрипции, отчасти из страсти к риторическим преувеличениям⁸³. Эпитоматор Ливия пишет об истреблении всей знати, бывшей в Риме после битвы при Сакрипорте⁸⁴. Флор (III. 21. 13) сравнивает поведение марианцев в Риме с тем, что творилось в поверженном Карфагене в 146 г. Дион Кассий рисует впечатляющую картину, когда ворота Города запирают и начинают убивать чуть ли не всех мужчин без разбора, а женщин и детей – бесчестить (fr. 102. 9)⁸⁵. Валерий Максим (IV. 3. 14; V. 3. 3; VI. 9. 14) пишет о марианских и циннанских проскрипциях (!), утверждая, что злодеяния Мария заслуживают большего осуждения, чем победы – похвалы (IX. 2. 2)⁸⁶. Евтропий доходит до того, что не только именуется проскрипциями марианскую «чистку», но и не упоминает о сулланской (V. 7. 3), а Экусперанций уверяет, будто знать избивали по произволу беглых рабов (4. 28Z).

Это дало основание некоторым современным авторам утверждать, будто в римском обществе марианские репрессии оставили по себе худшую память, чем сулланские проскрипции, на искаженное восприятие которых к тому же повлияли куда более кровавые проскрипции второго триумвирата; царством террора были как раз они, а не репрессии Суллы. Именно события 87 и 82 годов, по мнению Ф. Инара, вспоминали, когда хотели создать образ гражданской войны⁸⁷. Однако здесь необходимо различать, о каком времени и о каких кругах идет речь. Саллюстий осуждал проскрипции, которые из наказания виновных превратились в разгул произвола (Cat. 51. 32–34). Цицерон, когда началась гражданская война, с неудовольствием писал о том, что Помпей «сулльствует и проскрипствует» (*sullaturit animus eius et poscripturit*), и ставил Суллу в один ряд с Марием и Цинной, считая, что они побеждали в гражданской войне, пожалуй, по праву, но ничего не было страшнее их победы (*sed quid eorum victoria crudelius, quid funestius?* – Att. IX. 10. 6). Страх перед подражателями Суллы и проскрипциями сквозит и в другом письме (Att. IX. 11. 3). Эпитоматор Ливия писал о том, что Сулла запятнал прекраснейшую победу неслыханной жестокостью⁸⁸. Признавал это и благосклонный к диктатору Веллей Патеркул (II. 25. 3). Сравнивая марианские и сулланские репрессии, он

⁸³ Bennett 1923, 24; Bulst 1964, 314; Lovano 2002, 46–47. Задачей Суллы и его сторонников помимо очернения противников было, несомненно, и оправдать последующие проскрипции (Van Ooteghem 1964, 317; Bulst 1964, 314).

⁸⁴ Liv. Per. 86: L. Damasippus praetor... omnem, quae in urbe erat, nobilitatem trucidavit. Тем не менее Н.В. Чеканова почти без оговорок принимает фантастическое сообщение эпитоматора (2005, 179), которое, как уже давно указывалось, не стоит понимать буквально (Bulst 1964, 327–328). В. Ине усматривает в этой расправе, которую он не без преувеличения называет *reiche Nachlese*, указание на то, что репрессии 87–86 гг. носили более ограниченный характер, чем считалось ранее (Ihne 1879, 362, Anm. 2). При правильности самого тезиса нельзя не отметить спорности такого аргумента.

⁸⁵ К.М. Балст допускает, что это описание восходит к мемуарам Суллы (Bulst 1964, 313–314), но речь может идти о любом антимарианском источнике, к тому же подвергшемся основательной риторической обработке.

⁸⁶ Образ Мария у Валерия Максима вообще весьма искажен (Carney 1964, 336).

⁸⁷ Инар 1997, 387, 390–391; см. также Thein 2002, 69, 125.

⁸⁸ Liv. Per. 88: *pulcherrimam victoriam crudelitate, quanta in nullo hominum fuit, inquinavit.*

недвусмысленно отдал сомнительную пальму первенства вторым: «Ничто не было бы более жестоким, чем эта победа (марианцев. – *А.К.*), не последуй за ней вскоре сулланская»⁸⁹.

Нельзя не отметить, что и здесь не обошлось и без преувеличений: Плутарх писал о всеобщем возмущении обнаружением *tabulae*, Дион Кассий рассказывал о том, как людей могли убить за неподобающее выражение лица при чтении проскрипций (fr. 107. 14–16), а Дионисий Галикарнасский довел число жертв Суллы до 40 тысяч (см. выше)⁹⁰. Сюда же, видимо, можно отнести и упоминавшееся описание Луканом убийства родственников друг другом.

Почему же со временем все более стало выдвигаться на первый план обличение Мария? С самого начала сыграло свою роль то, что он и Цинна стали виновниками гибели нескольких консуляров, да еще вопреки воле сената, Сулла же при всей своей жестокости восстанавливал его власть. Впоследствии дала о себе знать и тяга риторов к *exempla*, а примеры, относившиеся к марианским репрессиям, были не только более впечатляющими (за исключением разве что казни Мария Гратидиана, вину за которую теперь обычно сваливали на Катилину), но и касались более знатных людей – возникали параллели с императорами-«тиранами». Наконец, страсть рядовых риторов к упрощению привела к окончательному окарикатуриванию истинной картины.

Итак, марианские и сулланские репрессии стали важным событием в жизни Рима. Хотя первые оказались куда менее масштабными, они произвели немало впечатление, поскольку впервые подверглись казни столь высокородные люди, к тому же без ведома сената, которому пришлось закрыть глаза на происходящее⁹¹. В свою очередь эти убийства послужили обоснованием куда более жестоких проскрипций, которые явились важным нововведением в практике политических расправ и оставили глубокий след в жизни Рима, поскольку имели еще и важные экономические последствия, чего нельзя сказать о марианских репрессиях. К тому же, в отличие от последних, проскрипции получили юридическое оформление, что закрепляло их правовые последствия для потомков репрессированных. Параллельно с проскрипциями творились и «обычные» расправы над побежденными, призванные запугать выживших и сломить их волю. В первоизданном виде сулланский порядок продержался всего несколько лет, в целом же, претерпев серьезные перемены, он просуществовал до второй гражданской войны. Однако в сознании римского общества надолго закрепился отрицательный образ Суллы – палача и тирана, и лишь по прошествии очень значительного времени основная критика за кровопролитие, сопровождавшее первую гражданскую войну в Риме, была перенесена на Мариа.

⁸⁹ *Vell. Pat.* II. 22. 1: *Nihil illa victoria fuisset crudelius, nisi mox Sullana esset secuta* (цит. в пер. А.И. Немировского).

⁹⁰ Как предполагается, огромную роль в искажении картины проскрипций сыграла цезарианская пропаганда (Gabba 1972, 803).

⁹¹ Ф. Инар ставит марианские репрессии в один ряд с проскрипциями второго триумвирата как пример «режима террора», призванного способствовать водворению нового порядка (Hinard 2006, 247), не упоминая при этом сулланскую «чистку». Между тем явно «выборочный» и кратковременный характер марианских убийств, которые невозможно всерьез считать «режимом террора», заставляет думать, что на первом месте стояла всё-таки месть, да и Сулла, сам того не ведая, также создавал новый порядок.

Литература

- Еремин А.В. 2004: Сулланские проскрипции // *Ius antiquum. Древнее право.* 2 (14), 69–78.
- Инар Ф. 1997: Сулла. Ростов-на-Дону.
- Короленков А.В. 2009: Марий и Катул: история взаимоотношений homo novus и vir nobilissimus // АМА. 13, 214–224.
- Ливий 1993: *Тит Ливий. История Рима от основания Города.* Т. III. М.
- Моммзен Т. 1994: *История Рима.* Т. II. СПб.
- Павел Орозий 2002: *История против язычников. Книги IV–V.* СПб.
- Плутарх 1994: *Сравнительные жизнеописания.* Т. II. М.
- Утченко С.Л. 1969: *Древний Рим: События. Люди. Идеи.* М.
- Циркин Ю.Б. 2006: *Гражданские войны в Риме. Побежденные.* СПб.
- Чеканова Н.В. 2005: *Римская диктатура последнего века Республики.* СПб.
- Badian E. 1957: Caepio and Norbanus. Notes on the Decade 100–90 B.C. // *Historia.* 6, 318–346.
- Badian E. 1962: Waiting for Sulla // *JRS.* 52, 47–61.
- Badian E. 1964: Marius and the Nobles // *Durham University Journal.* 36, 141–154.
- Bennett H. 1923: *Cinna and His Times. A Critical and Interpretative Study of Roman History during the Period 87–84 BC.* Diss. PhD. Menasha.
- Broughton T.R.S. 1951–1952: *The Magistrates of the Roman Republic.* Vol. I–II. N.Y.
- Bulst Ch.M. 1964: Cinnanum Tempus: A Reassessment of the Dominatio Cinnae // *Historia.* 13, 307–337.
- Cagniat P.F. 1986 *The Life and Career of Lucius Cornelius Sulla through his Consulship in 88 B.C. A Study in Character and Politics.* Diss. PhD. Austin.
- Carney T.F. 1960: The Death of Ancharius // *Hermes.* 88, 382–384.
- Carney T.F. 1961a: A Biography of Marius. Assen.
- Carney T.F. 1961b: The Flight and Exile of Marius // *GR.* 8, 98–121.
- Carney T.F. 1962: The Picture of Marius in Valerius Maximus // *RhM.* 105, 289–337.
- Christ K. 2002: Sulla. Eine römische Karriere. München.
- Gabba E. 1958: *Commento // Appiani bellorum civilium liber primus.* Firenze, 3–336.
- Gabba E. 1972: Mario e Silla // *ANRW.* I. 1, 764–805.
- Gaughan J.E. 2010: Murder was not a Crime: Homicide and Power in the Roman Republic. Austin.
- Gruen E.S. 1968: *Roman Politics and the Criminal Courts, 149–78 B.C.* Cambr. (Mass.).
- Hinard F. 1985: *Les proscriptions de la Rome republicaine.* Rome.
- Hinard F. 2006: *La terreur comme mode de gouvernement (au cours des guerres civiles du Ier siècle a.C. // Terror et pavor. Violenza, intimidazione, clandestinità nel mondo antico / G. Urso (ed.). Rome, 247–264.*
- Ihne W. 1879: *Römische Geschichte.* Bd V. Lpz.
- Keaveney A. 1983: What happened in 88? // *Eirene.* 20, 53–86.
- Keaveney A. 1984: Who were the Sullani? // *Klio.* 66, 114–150.
- Keaveney A. 2005: Sulla: the Last Republican. L.–N.Y.
- Keaveney A. 2006: The Exile of L. Cornelius Scipio Asiagenus // *RhM.* 149, 112–114.
- Lanzani C. 1907: *Storia interna di Roma negli anni 87–82 a.C. Parte prima: il VII consolato di Mario.* Torino.
- Lanzani C. 1915: Mario e Silla, storia della democrazia romana negli anni 87–82 a.C. Catania.
- Letzner W. 2000: *Lucius Cornelius Sulla: Versuch einer Biographie.* Münster.
- Lovano M. 2002: *The Age of Cinna: Crucible of Late Republican Rome.* Stuttgart.
- Marshall B.A. 1985: Catilina and the Execution of M. Marius Gratidianus // *CQ.* 35, 124–133.
- Mackay C.S. 2000: Sulla and the Monuments // *Historia.* 49, 161–210.
- Mühl V. 1912: Helvius (11) // *RE.* Bd VII, 225–226.
- Münzer F. 1905: Domitius (22) // *RE.* Bd V, 1327–1328.
- Münzer F. 1930: Marius (42) // *RE.* Hlbd. 28, 1825–1827.
- Münzer F. 1937: Octavius (20) // *RE.* Hlbd. 34, 1814–1818.
- Rawson E. 1987: Sallust on the Eighties? // *CQ.* 37, 163–180.
- Salmon E. 1964: Sulla redux // *Athenaeum.* 42, 60–79.
- Schur W. 1942: *Das Zeitalter des Marius und Sulla.* Lpz.
- Seager R. 1994: Sulla // *CAH.* 2nd ed. Vol. IX, 165–207.
- Thein A.G. 2002: Sulla's Public Image and the Politics of Civic Renewal. Diss. Ph.D. Univ. of Pennsylvania.
- Van Ooteghem J. 1964: Caius Marius. Bruxelles.
- Weynand R. 1935: Marius // *RE.* Splbd VI, 1363–1425.

CAEDES MARIANA AND TABULAE SULLANAE:
88–81 BC TERROR IN ROME

A.V. Korolenkov

The author compares punitive measures taken by Sulla and the Marians against Roman citizens in 88–81 BC. He points out that Marian repressions being rather limited in scale can hardly be qualified as terror. Unlike proscriptions, they did not imply confiscations and therefore had no economic consequences. The author calls in question the reliability of the accounts that a considerable number of former slaves (members of Marian troops) took part in the repressions of 87–86 and that it was prohibited to bury those who were killed in that period. He draws attention to the fact that neither Sulla nor his opponents took up arms against women, unlike the emperors who sometimes put to death women from the families under repressions. Marian repressions were rather small in scale, but they struck the society because of the high status of their victims, including several *consulares*. However, after Sulla's proscriptions his figure was strongly associated with violence, and it took a considerable time before Romans began to hold Marius responsible for the bloodshed of the 80s.